

ЕФРЕМОВ Сергей Александрович, аспирант, кафедра истории России средних веков и нового времени, Московский государственный областной университет (Россия, Мытищи), e-mail: 11sae11@mail.ru

EFREMOV S.A., post-graduated, Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Moscow State Regional University (Russian Federation, Mytishchi), e-mail: 11sae11@mail.ru

ПРОТОПОП АВВАКУМ И СТАРЕЦ КАПИТОН: РАЗНОСТЬ ПОДХОДОВ

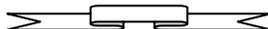
PROTOPOP AVVAKUM AND ELDER KAPITON: THE DIFFERENCE OF APPROACHES

Аннотация. Целью статьи является раскрытие разных подходов в понимании веры и государственного устройства протопопом Аввакумом и старцем Капитоном. В статье представлены мировоззрения двух, как считается, основателей церковного раскола – Аввакума и Капитона. Автор на основании архивных данных и иной историко-описательной информации структурировал их принципиальные сходства и различия в видении основных вопросов церковного развития того времени, а также указал на концептуальную разность этих вероучений.

Ключевые слова: протопоп Аввакум, старец Капитон, старообрядчество, «капитоны», антисистема, аскетизм.

Abstract. The purpose of the article is to reveal different approaches in understanding faith and the state structure between Archpriest Avvakum and Elder Kapiton. The article presents the worldviews of two, as it is considered, the founders of the church schism – Avvakum and Kapiton. The author, on the basis of archival data and other historical and descriptive information, showed their fundamental similarities and differences in the vision of the main issues of church development of that time, as well as the conceptual difference between these creeds.

Keywords: Archpriest Avvakum, Elder Kapiton, Old Believers, «Kapitos», anti-system, asceticism.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы связана в числе прочего с актуализацией вопросов вокруг РПЦ, в частности с появлением в числе её сподвижников такой фигуры, как схиигумен Сергей. Ясно, что сравнивать его с деятелями старообрядчества невозможно, прежде всего, в силу его ничтожности, но другой аспект, а именно самовольство в трактовке норм и правил религиозной жизни, роднит его со старцем Капитоном, за что того и предполагали судить. С другой стороны, показана фигура протопопа Авваку-

ма, также не покорившегося каноническому священноначалию, но действовавшему с мужеством и самоотречением и проповедовавшему свои взгляды совсем не так, как их пытался защищать вышеуказанный схиигумен.

ПРОТОПОП АВВАКУМ И СТАРЕЦ КАПИТОН: ИДЕИ И МЕТОДЫ

Старец Капитон, впоследствии ставший старообрядцем, начал свою проповедь в 1630-е годы. По внешним признакам это была крайняя аскеза: ношение двух (трёх)

пудовых вериг, спанье подвешиваясь, пост в среду, пятницу и субботу, неупотребление даже в дни великих праздников, как Пасха или Рождество, мясных (и вообще скоромных) продуктов.

Проповедь и особенно крайний аскетизм Капитона принесли ему популярность среди паствы. Вообще он ратовал за борьбу против излишне привольной жизни церковников, в особенности монахов, позже это приведет его к открытому конфликту с властями. Уже во времена распри ново- и старообрядцев всех сторонников старого обряда даже называли «капитонами» и приписывали старцу проповедь самосожжений среди староверов.

А. В. Бородин отмечал в своей статье: «Инок Капитон – один из вождей оппозиционного, общественного, религиозного движения противников церковной реформы» [3, С. 76], – но в то же время приводил слова митрополита Дмитрия Ростовского: «В праздник Рождества ... хотят сыра и масла и рыбы вкушати ... разве точию от семян и ягодствования и прочих растущих от земли» [Цит. по: 3, С. 79], – иными словами, митрополит обвинял Капитона в своеволии, в насилии над духовно близкими ему людьми. Впрочем, были и более серьезные обвинения – Капитон, как монах, но не священнослужитель, не имел права на постриг, а в то же время широко это практиковал, в чем Дмитрий видел покушение на существующие в церкви законы.

Другой аспект – это якобы призывы старца Капитона к «горям», самосожжениям старообрядцев. На этот счет точных свидетельств у нас нет, но сама идеология Капитона, его пессимистический посыл, ожидание Антихриста (во многом пришедшее на Русь из Западной Европы) позволяют нам приписывать именно ему такие призывы (однако скажем в скобках, что подобное приписывалось и Аввакуму, на самом же деле он ничего подобного не проповедовал, хотя и допускал, но лишь в случае насильственных акций со стороны властей).

С. А. Зеньковский, известный историк русского старообрядчества, эмигрант, писал о Капитоне, ссылаясь на Евфросиния: «Он заставлял своих монахов не только поститься по средам и пятницам, но и вообще ничего не вкушать как в эти дни, так и в субботу» [8]. Иными словами, и Зеньковский, и другие исследователи обвиняли Капитона в самоуправстве и самовольном введении тех принципов монашеского общежития, которые не были распространены в церкви.

Но похожим образом вёл себя и Аввакум! Он изгонял «плясовых медведей», скоморохов, ломал «дудки и свистелки» у проезжих циркачей, и за это ему много доставалось – как от деревенских миров, так и от отдельных «начальных людей» (в «Житии протопопа Аввакума» этому сколько угодно свидетельств – например, такое: «...пришед во церковь, бил и волочил меня за ноги по земле в ризах ... Таже ин начальник, во ино время, на мя рассвирепел, – прибежал ко мне в дом, бив меня, и у руки отгрыз персты, яко пес, зубами» [1, С. 61]). Призывы Аввакума, скажем, к закрытию кабаков нередко заканчивались битьем проповедника, о чем говорил и академик А. М. Панченко, однако это не останавливало его, напротив, разжигало его проповеднический «азарт» ещё больше.

В чём же была разница между ними, почему в заголовке статьи говорится о разности подходов? Разница между ними была существенная – Аввакум, несмотря на свои радикальные методы, всё же действовал в рамках русской религиозной культуры своего времени, а Капитон поддавался влиянию антисистем, которых и до, и после Капитона было множество – павликиане, маркиониты, богомилы – и главной идеей которых было разделение мира на духовное (=светлое) и телесное, которое приравнивалось к темноте и греху. Л. Гумилев писал: «...мироощущение альбигойцев, манихеев, павликиан, исмаилитов и прочих – это система негативной экологии» [7, С. 39]. Но в случае с Капитоном всё было

сложнее – на негативистскую идеологию наслаивалось и ожидание конца света, особенно остро ощущаемое на Руси с конца XV века.

К. Валишевский писал о Капитоне, что «его доктрина ограничивалась лишь соблюдением правил самого сурового аскетизма и отрицанием всякой церковной иерархии» [4, С. 357]. Духовную иерархию по большому счёту (по крайней мере, в её новообрядческом виде) отрицал и Аввакум, но Валишевский не заметил существенного различия между ними. Если Аввакум, отрицая церковную иерархию и проповедуя самосожжение как путь от преследования царских чиновников, всё же сохранял догмы православной и вообще христианской церкви, то Капитон не следовал этому правилу и в своих руководствах для братии придерживался других правил.

Капитон мало оставил после себя трудов (если вообще писал), по крайней мере, из его произведений до нас ничего не дошло, и мы можем опираться лишь на реальные дела его единомышленников. Сторонники Капитона, в том числе так называемые вязниковские мученики (например, Вавила), проповедовали самосожжение, но не так, как это делал Аввакум, говоря о подобном шаге как о последнем, крайнем акте – они говорили о самосожжении вполне в «естественном» духе, не связывая его с угрозой их вере или свободе.

Наконец, между Аввакумом и Капитоном существует ещё одна, возможно, даже более существенная разница. Первый был сторонником «старины» – в обрядах, в церковном обиходе, в образе мыслей. Второй, по сути, был преобразователем церкви – отсюда его неумеренное постничество и попытки склонить своих монахов к новому уставу общежития, никогда не виденного на Руси, а если и применявшегося, то исключительно схимниками лично, без каких-либо попыток наставить кого-то на подобный путь.

Стоит провести различие и между тем, как эти две фигуры вели себя при пресле-

дованиях. Казалось бы, для Капитона, занимавшегося «самоуморением», эти гонения от властей не могли представлять реальной тяжести, и он должен был легко смириться с преследованиями его как самовольца, но на деле всё было иначе. По некоторым сведениям, Капитон дожил чуть не до 100 лет (точных дат ни его рождения, ни его смерти не сохранилось), активно скрываясь от преследователей. Мирозрение Капитона, похоже, радикально расходилось с его реальным жизненным путём: говоря словами Гумилева, в его «систему негативной экологии», называемую нами антисистемой, никак не вписалась перспектива реального мученичества (а не постничества), отчего он и бегал от солдат и стрельцов до столь почтенных лет [7, С. 39]. В этом можно было проследить некое лукавство, но общий уровень его духовного состояния и авторитет среди старообрядцев, конечно, говорили о другом.

Совсем иначе вёл себя Аввакум. Возможно, он предпочёл бы себе другую судьбу, чем отбывание долгих ссылок (да ещё, добавим, при не самых благостных начальниках – вспомним Пашкова). Но он не жаловался, и никаких сетований от него начальству об этом не следовало. После пребывания на Мезени («в Даурской земле нужды великие годов с шесть и семь» [1, С. 75]) протопопу вернули в Москву, и царь намеревался сделать его своим духовником в случае примирения с действующей церковью, но Аввакум не покорился. Он отказался от поста духовника царя, хотя это и было местом достойным, что он хорошо знал по примеру Стефана Вонифатьева.

Ещё одним различием Аввакума и Капитона являлось то, что Аввакум имел программу действий, пусть и отличающуюся негативистским характером. Аввакум стоял за «древнее благочестие», что включало в себя: осьмиконичный крест, написание «Исус» вместо никоновской формы «Иисус» («аз единый»), был сторонником мно-

гогласия, и так далее, и так далее. А за что (или, вернее, против чего) выступал Капитон? Это осталось загадкой. Конечно, постфактум старообрядцы приписали Капитону борьбу с официальной церковью и даже захоронили его в тайном месте, опасаясь посмертного воздаяния никониан, но всё это было сделано постфактум, что тоже не проясняет истинных идей самого старца.

Различия были и в области их проповеди – Аввакум, лишённый возможности проповедовать лично, написал, пожалуй, лучшую русскую книгу XVIII века (и уж точно не шедшую ни в какое сравнение с потугами его опровергателей) – «Житие протопопа Аввакума». Это было новое слово не только в русской, но и, некоторым образом, в мировой литературе: написание автобиографического жития – случай редчайший. А чем прославился Капитон? Ведь он тоже мог начать писать книги, будучи преследуемым правительством, однако это ему даже не пришло в голову, так как, если бы такие «грамоты» были, хотя бы несколько их штук, безусловно, сохранилось бы (как сохранились прелестные письма Емельки Пугачева, несмотря на весь страх правительства и лично Екатерины Великой перед самозванцем и его возможными покровителями в Европе).

В итоге получается, что Аввакум прожил жизнь хотя и трудную, но имел при этом программу действий, написал знаменитую автобиографию, был крупным проповедником – как устным, так и письменным, и, в общем, оставил достойную память. А Капитон скрывался за Волгой, никакой проповеди, кроме как среди своих собратьев, не вёл, книжной деятельностью не отметился и умер, не оставив после себя ни единого слова (нам, по крайней мере, ничего разыскать не удалось) и даже могилы.

Хотелось бы ещё отметить особое почитание старца Капитона среди старообрядцев. Ясно, что они никак бы не могли согласиться с предложенным здесь тези-

сом о его «лукавстве», но это уже, скорее, вопрос традиции. В самом деле, пожалуй, единственное, что оставил за собой Капитон, – это традицию, память о себе как о непреклонном молитвеннике и постнике, боровшемся с царским режимом до конца своих дней – на этом всё. Иными словами, он из фигуры реальной перешел в разряд фигур мифологических, возможно, это и устраивало его как церковного деятеля, но совсем не устраивает нас как историков.

Почитание, для нас совершенно очевидное, отнюдь не всегда было обычным для историков. Достаточно сказать, что в третьем томе Ключевского, который повествует о временах царствования Алексея Михайловича, имя Капитона вообще не упоминается, в то время как в работе Валишевского (изданной после религиозных послаблений 1905 года) об этой личности говорится достаточно подробно и даже утверждается, что всех старообрядцев на Руси в определенное время, якобы до начала XIX века, называли «капитонами». Но только ли в либерализации законодательства было дело? Нам думается, что нет, что старообрядцы, и без того игравшие значительную, а в отдельных областях даже довлеющую роль в русской жизни, воспользовавшись удобным случаем, стали переносить в жизнь никониан те идеи, ценности, а отчасти даже и мифы, которыми они руководствовались сами.

В своём труде «История России. 1861–1917 гг.» В. Федоров писал, что «церковь [...] должна развивать другие формы деятельности, важные для укрепления ее авторитета в народе» [11, С. 429]. Это говорилось, конечно, о временах обер-прокурорства в Синоде К. Победоносцева, но похожие проблемы возникали достаточно часто в истории русской церкви – с одной стороны, русские государи были заинтересованы в большем авторитете церкви, однако, с другой стороны, они боялись усиления ее влияния, что и отразилось на Никоне в виде его ссылки в монастырь. Никто ровным счётом – ни Святей-

ший синод, ни ранее патриархи, ни русские цари – не предполагал идеи «симфонии властей», существовавшей до того в Византийской империи: им это представлялось даже странным, и оттого намеки на титул «великий государь», пожалованный вначале патриарху Филарету, отцу царя Михаила Фёдоровича, а затем и Никону, воспринимались крайне болезненно, и возрождение русской церкви, намечавшееся в середине XVII века, выродилось в учреждение Синода при Петре.

Явление раскола, представители которого, хотя и чрезвычайно отрицательно относившиеся к официальной церкви, тем не менее, мало напоминали сторонников Капитона: тот был и сам сторонником антисистемных взглядов, и его сторонники придерживались воззрений, которые, по словам Л. Гумилева, «никак нельзя назвать христианскими» [5, С. 247].

И всё же скажем о тех обстоятельствах, которые если не роднили, то сближали Аввакума и Капитона. К. Валишевский в работе «Первые Романовы» рассказывал о том, что в России середины XVII века «невежество доходило до крайности» [3, С. 332], и с этим следует согласиться. Не только состояние образования и культуры, но и отношение к ним сильно не дотягивало до уровня даже восточноевропейских государств, и в этих условиях противоречия в развитии государства, проявлявшиеся в устремлениях Никона, с одной стороны, и Аввакума и Капитона – с другой, были очень демонстративны. Конечно, Никон был грекофилом, но одновременно он старался и укрепить русское государство, понимая, что без него погибнет и православие, отчего и его симпатии к тем новшествам (и даже явным полонизмам), которые вводились при дворе при Алексее Михайловиче. Известно, что в большинстве случаев Аввакум отстаивал образование, как бы мы сейчас сказали, гуманитарное, не хотел, чтобы детей обучали «дьявольским» наукам – физике, химии, математике, но поразительно, что примерно в том же на-

правлении двигался и Никон, изымая у населения иконы, «...отличавшиеся некоторым реализмом» [2, С. 184]. Конечно, мотивация этих поступков была различной, но их итоговая роль оказывалась примерно одинаковой.

Л. Гумилёв в своей классической работе «Этногенез и биосфера Земли» писал: «До спокойного спора с никонианами у них [старообрядцев] дело никогда не доходило» [6, С. 356], – что можно счесть и верным, и верным не совсем. Верным в том смысле, что споры старообрядцев и никониан всегда оканчивались взаимными оскорблениями, что совсем нетрудно себе представить, зная темперамент спорщиков. Однако такое утверждение трудно считать абсолютно верным, так как главным мотивом, препятствующим спору, было убеждение Никона и его сторонников в том, что старообрядцы люди неученые, серьезного спора с ними вести не следует, и вообще так ли, иначе ли, истины в споре не рождаются и, соответственно, никакие дискуссии ни к чему хорошему привести не могут.

Позиция Никона чрезвычайно была схожей с позицией Капитона, который также был уверен, что никакими «льстивыми» речами его переубедить не удастся, оттого и в споры с противниками не вступал, а убеждал в собственной правоте лишь собственным примером аскезы, необычайно суровой, призывами к самосожжению (хотя здесь возможны и своеволия со стороны его последователей) и необычно суровыми для русского монашества общежитийными нормами, о которых говорили неоднократно.

Таких деятелей было довольно много в истории русского раскола – многочисленных сторонников «гарей», которые сами чудесно спасались, шли проповедовать свои идеи об «очищении огнём» дальше, оставляя за собой лишь пожарища.

Возникает последний вопрос: насколько можно считать правыми тех или иных спорящих в этой связи, был ли прав Аввакум, Капитон или никониане? Ответить на этот

вопрос сложно, да, пожалуй, и невозможно. Альтернативная история сколько-нибудь уместна лишь там, где дело идет не о таких глобальных событиях, как выбор веры целого народа, и задаваться вопросом о том, как бы развивалась Англия в случае, если бы Генриху VIII не пришлось разводиться, отправлять в ссылку королеву и вручать управление англиканской церковью себе самому не приходится: слишком здесь много новых вводных данных, и для ответа на этот вопрос пришлось бы написать историю другой страны, а не Англии XVI века. Это под силу литературе, но никак не истории.

Аввакум хоть и прожил жизнь тяжелую и трудную, однако любил жизнь, любил свою семью, детей и жену («Сыну Ивану и Прокопью с матерью и с братом и сестрами, с женою и дочерью всем благословение» [1, С. 219]), любил природу тех мест, где бывал (о чём и писал в своем «Житии»). Капитон же полагал, что земная жизнь греховная, и вёл себя соответственно – крайне пессимистически, что вполне естественно именно для сторонника анти-системы, а не для православного христианина – старого ли, нового ли обряда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершение хотелось бы ещё раз показать разность позиций Аввакума и Капитона, часто причисляемого к старообрядцам. Проповедь Капитона была близка известным антисистемным и гностическим учениям, ничего от себя в истории не оставившим, в то время как проповедь Аввакума, несмотря на все обстоятельства его жизни, в полной мере соответствовала идеалам православия и шире – христианства, оттого и осталась в веках вместе с великим его сочинением – «Житием протопопа Аввакума».

Библиография/ References:

1. Аввакум Петров. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие

произведения. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. – 480 с.

2. Борисов Н. Церковные деятели средневековой Руси XIII – XVII вв. – М.: Издательство Московского университета, 1988. – 200 с.

3. Бородкин А. «Правдивый» инок Капитон // Новый исторический вестник. – 2010. – № 23. – С. 75–81.

4. Валишевский К. Первые Романовы. (Репринтное издание). – М.: ИКПА, 1989. – 482 с.

5. Гумилев Л. От Руси до России. – М.: АСТ, 2008. – 416 с.

6. Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли. – СПб.: Азбука, 2013. – 672 с.

7. Гумилев Л., Панченко А. Чтобы свеча не погасла. – Л.: Советский писатель, 1990. – 128 с.

8. Зеньковский С. Русское старообрядчество. Капитон [Электронный ресурс]. – URL: apocalypse.orthodox>zenkovskii/14.html.

9. Ключевский В. Курс русской истории. Сочинения в девяти томах. – М.: Мысль, 1988. – Т. 3.

10. Митр. Макарий. История русской церкви. – М.: Издательство Свято-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – Кн. 7.

11. Робертсон Г., Герцог И. История христианской церкви. В 2-х т. – СПб.: Издание книгопродавца И.Л. Тузова, 1891. – Т. 2.

12. Рыбаков Б. Стригольники. – М.: Наука, 1993. – 334 с.

13. Столбов В. Старообрядчество в России: историософский аспект [Электронный ресурс]. – URL: prosa.ru>2018/08/23/1283.

14. Федоров В. История России. 1861–1917 гг. – М.: Юрайт, 2013. – 496 с.

1. Avvakum Petrov. Zhitiye protopopa Avvakuma, im samim napisannoye, i drugiyе proizvedeniya [Life of Archpriest Avvakum, written by him, and other works]. – М.:

- Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1960. – 480s. (In Russ.).
2. Borisov N. Tserkovnyye deyateli srednevekovoy Rusi XIII–XVII vv. [Church leaders of medieval Russia XIII–XVII centuries]. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1988. – 200s. (In Russ.).
3. Borodkin A. «Pravdivyy» inok Kapiton [«Truthful» Monk Kapiton] // Novyy istoricheskiy vestnik. – 2010. – №23. – S.75–81. (In Russ.).
4. Valishevskiy K. Pervyye Romanovy [The First Romanovs]. (Reprintnoye izdaniye). – M.: IKPA, 1989. – 482s. (In Russ.).
5. Gumilev L. Ot Rusi do Rossii [From Russia to Russia]. – M.: AST, 2008. – 416s. (In Russ.).
6. Gumilev L. Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and biosphere of the Earth]. – SPb.: Azbuka, 2013. – 672s. (In Russ.).
7. Gumilev L., Panchenko A. Chtoby svecha ne pogasla [So that the candle does not go out]. – L.: Sovetskiy pisatel', 1990. – 128s. (In Russ.).
8. Zen'kovskiy S. Russkoye staroobryadchestvo. Kapiton [Russian Old Believers. Kapiton]. [Elektronnyy resurs]. – URL: apocalypse.orthodox>zenkovskii/14.htm. (In Russ.).
9. Klyuchevskiy V. Kurs russkoy istorii. Sochineniya v devyati tomakh [The course of Russian history. Works in nine volumes]. – M.: Mysl', 1988. T.3. (In Russ.).
10. Mitr. Makariy. Istoriya russkoy tserkvi [History of the Russian Church]. – M.: Izdatel'stvo Svyato-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya, 1996. Kn.7. (In Russ.).
11. Robertson G., Gertsog I. Istoriya khristianskoy tserkvi [History of the Christian Church]. V 2-kh tt. – SPb.: Izdaniye knigoprodavtsa I.L. Tuzova, 1891. T.2. (In Russ.).
12. Rybakov B. Strigol'niki [Strigolniki]. – M.: Nauka, 1993. – 334s. (In Russ.).
13. Stolbov V. Staroobryadchestvo v Rossii: istoriosofskiy aspekt [Old Believers in Russia: the historiosophical aspect]. [Elektronnyy resurs]. – URL: prosa.ru>2018/08/23/1283. (In Russ.).
14. Fedorov V. Istoriya Rossii [History of Russia]. 1861-1917gg. – M.: Yurayt, 2013. – 496s. (In Russ.).
-